

**OD MODERNIZMU DO POSTMODERNIZMU
LITERATURA ROSYJSKA XX–XXI WIEKU**

TOM JUBILEUSZOWY DEDYKOWANY
PROFESOR HALINIE WASZKIELEWICZ

Pod redakcją Anny Skotnickiej i Janusza Świeżego

Kraków 2014

**ОТ МОДЕРНИЗМА К ПОСТМОДЕРНИЗМУ
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX–XXI ВЕКОВ**

**СБОРНИК СТАТЕЙ В ЧЕСТЬ
ПРОФЕССОРА ХАЛИНЫ ВАШКЕЛЕВИЧ**

Под редакцией Анны Скотницкой и Януша Свежего

ROSJA • myśl • słowo • obraz

Краков 2014

Под редакцией Анны Скотницкой и Януша Свежего, Краков 2014

Сергей Доценко

Эстония

**«КТО, ОТКУДА ПРИШЕЛ ОН?»
(Ф. ДОСТОЕВСКИЙ В ЭССЕ А. РЕМИЗОВА
ОГНЕННАЯ РОССИЯ)**

Интерес к личности и творчеству Достоевского был у Ремизова неизменным. В автобиографии 1912 года он поставил Достоевского на первое место среди писателей, особенно на него повлиявших:

От сказок и Макарьевских четий-миней через любимых писателей – Достоевского, Толстого, Гоголя, Лескова, Печерского к Ницше и Метерлинку и опять к сказкам и житиям и **опять к Достоевскому**... Вот она как загнулась дорожка, вот те камушки, по которым шел и иду за тридевять земель в тридесятое царство за живую водой и мертвой¹.

В автобиографии 1923 года Ремизов снова подчеркнул роль Достоевского в своей жизни:

Жгучую память сохранил о Достоевском – первой прочитанной книге, которому посвящено в книге моей *Огненная Россия* огненное слово².

Сергей Николаевич Доценко (Sergei Dotsenko) – доктор философии, доцент Института славянских языков и культур Таллиннского университета.

¹ А. Ремизов, <Автобиографии. 1912; 1913>, «Лица: Биографический альманах», кн. 3, Москва – Санкт-Петербург 1993, с. 441 (приложение I). Здесь и далее все не оговоренные выделения принадлежат нам. – С. Д.

² Цит. по: Алексей Ремизов о себе, «Россия» 1923, № 6, с. 26.

А в конце жизни Ремизов признавался:

А особенно в литературе меня тронул апокриф Мармеладова: «Приходите и вы, свиньи...» – всегда готов читать эту исповедь Достоевского. А имена, под которыми прошла жизнь в России за 44 года (1877–1921) – Достоевский, Лесков [...]»³.

Влияние творчества Достоевского на Ремизова постоянно отмечали литературные критики. Так, Александр Измайлов, говоря о повести Ремизова *Крестовые сестры* (1910–1911), довольно точно подметил: «В *Крестовых сестрах* Ремизов весь вышел из Достоевского и весь в него ушел»⁴. А критик Елена Колтоновская в рецензии на повесть Ремизова *Пятая язва* (1911) утверждала:

Достоевский оставил большой след в нашей литературе. Чуть не все «молодые» писатели его наследники. И самый талантливый среди его учеников – А. Ремизов, унаследовавший не только его философию и нервический писательский склад, но и его способность бесстрашного мучительного анализа. **У Ремизова есть целые страницы, которые могли бы быть приписаны Достоевскому.** Но это не подражание с его стороны, а несомненное духовное родство с великим тайновидцем⁵.

Особый интерес представляет первая попытка развернутого истолкования личности и творчества Достоевского⁶, которая была сделана Ремизовым 11 февраля 1921 года: в этот день он выступил с речью в петроградском Доме Литераторов. Впечатления об этом выступлении есть в воспоминаниях Константина Федина:

В сороковую годовщину смерти Достоевского Ремизов произнес «Слово! [Огненная Россия. Памяти Достоевского. – С. Д.] о нем в Доме литераторов. Я смотрел в лицо Ремизову, когда он, прискакивая, как будто силясь выпры-

³ Н. Кодрянская, *Алексей Ремизов*, Париж 1959, с. 111. См. также признание в книге *Петербургский буерак*: «[...] Достоевский действовал на меня до содрогания [...]» (А. Ремизов, *Собрание сочинений*, т. 10, Москва 2003, с. 358).

⁴ А. Измайлов, *Старорусские кружева*, он же: *Пестрые знамена*, Москва 1913, с. 100. О влиянии Достоевского на повесть Ремизова *Крестовые сестры* см. также: Р. В. Иванов-Разумник. *Творчество и критика: Статьи критические. 1908–1922*, Петербург 1922, с. 64.

⁵ Е. Колтоновская, *О русском*, «Новый журнал для всех» 1912, № 12, с. 95.

⁶ Для Ремизова произведения писателя не существовали отдельно от его личности: «Писатель и человек. Так повелось судить человека, ремесло которого – слово. О художниках, музыкантах тоже говорят – судят. О Диккенсе говорят, что это был суровый человек, то же и про Андерсена, а чего только не говорят о Достоевском, о Некрасове. Правильно ли такое деление: человек и писатель? Писатель в своих произведениях дает все заветное, человеческое» (Н. Кодрянская, *Алексей Ремизов...*, с. 90).

гнуть из-за кафедры, на которую опирались его раскинутые руки, взывал к аудитории смятанным голосом. Было что-то жгучее и неистовое в ремизовском прославлении России Достоевского, в покаянии и гневе, какие клокотали в этом «Слове». Лицо Ремизова вдруг передергивалось, на миг искажаясь от боли и страсти, хотя видно было, что он себя изо всех сил удерживает в ораторской черте, почти боясь вырваться из нее в исступление, в пророческий, в шаманский крик. Он произносил каждую фразу с напряженной ясностью, но мне все казалось, что он вот-вот забормочет, как в припадке, и в его смертной бледности, наполненной трепетом, в его губах, забелевших по уголкам, было что-то эпилептическое⁷.

«Пророческий» и «шаманский» крик, «страсть», «исступление», «припадок», «что-то эпилептическое», – все эти детали вызывали ассоциации с Достоевским (возможно, и с его знаменитой речью о Пушкине и тем эффектом, который она произвела 8 июня 1880 года⁸). А затем мемуарист уже прямо отмечает аналогию между биографией Достоевского и биографией Ремизова:

Как психолог, как романист, он шел по следам своего божества, отыскивая и строя русские характеры как ключи к познанию России. **Его биография сложилась странным подобием биографии Достоевского**, маленьким, конечно, подобием, отражением в капле воды, но все-таки отражением великой планеты⁹.

Своеобразие восприятия Ремизовым личности Достоевского¹⁰ в значительной мере определило его подход к текстам Достоевского, который проявился и в его эссе *Огненная Россия. Памяти Достоевского* (1921). Уже в начале эссе Ремизов пытается ответить на вопрос – кто такой Достоевский:

Достоевский – это Россия.

И нет России без Достоевского.

И в последний страшный час, – если суждено такому страшному часу, – в внезапную последнюю минуту на последний зов и суд – кому же? – только он, только он один выйдет за Россию, станет один, скажет один за всех – мучающихся, страждущих, смрадно-грешных, но «младенчески любящих» – за Рос-

⁷ К. Федин, *Горький среди нас: Картины литературной жизни*, Москва 1968, с. 117–118.

⁸ См.: *Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 томах*, т. 3: 1875–1881, Санкт-Петербург 1995, с. 431–432.

⁹ К. Федин, *Горький среди нас...*, с. 118–119.

¹⁰ См. об этом нашу статью: А. Ремизов и Ф. Достоевский: *Поэтика палимпсеста*, «Русская литература» 2007, № 4, с. 107–117.

сию бунтующую, отчаянную и несчастную (ведь разве бунтующий может быть счастливым!¹¹), за «убийца» – за весь русский народ.

– Суди нас, – скажет судии, – если можешь и смеешь.

И из впалых, испепеленных болью глаз, как искра, блеснет огонь.

Какое изгвожденное сердце – ни одно человеческое сердце не билось так странно и часто, безудержно и исступленно –

«и чем тише был месяц – огромный круглый медно-красный месяц глядел прямо в окно – тем сильнее стучало сердце и даже больно становилось»¹².

Кто, откуда пришел он?

Пройдя какие квадриллионы пространств – отблеск и отвей какого страшного премудрого духа, пустынного огненного духа-искусителя, держащего ключи от человеческого счастья¹³.

Вопрос, поставленный Ремизовым, отнюдь не является тривиальным. Весь этот отрывок соткан из цитат и реминисценций из романов Достоевского. Мотив суда, как и слова «Суди нас [...] если можешь и смеешь», восходят к Легенде о Великом инквизиторе из романа *Братья Карамазовы*: «И мы, взявшие грехи их для счастья их на себя, мы станем пред тобой и скажем: „Суди нас, если можешь и смеешь”»¹⁴. Но эти слова в романе Достоевского произносит Великий инквизитор. А упоминание «впалых, испепеленных болью глаз», из которых «как искра, блеснет огонь», является парафразом описания все того же Великого инквизитора в *Братьях Карамазовых*: «Это девяностолетний почти старик, высокий и прямой, с иссохшим лицом, со впалыми глазами, но из которых еще светится, как огненная искорка, блеск»¹⁵.

Тем самым становится очевидным, что Ремизов уподобляет Достоевского Великому инквизитору. Но на этом ряд уподоблений не заканчивается.

«Пройдя какие квадриллионы пространств – отблеск и отвей какого страшного премудрого духа, пустынного огненного духа-искусителя, держащего ключи от человеческого счастья». Здесь Достоевский уподобляется

¹¹ Ср. «Человек был устроен бунтовщиком; разве бунтовщики могут быть счастливыми?» (Ф. М. Достоевский, *Братья Карамазовы*, в кн.: он же, *Собрание сочинений: В 15 томах*, т. 9, Ленинград 1991, с. 283).

¹² Ср. «Огромный, круглый, медно-красный месяц глядел прямо в окна. „Это от месяца такая тишина, – подумал Раскольников, – он, верно, теперь загадку загадывает”. Он стоял и ждал, долго ждал, и чем тише был месяц, тем сильнее стучало его сердце, даже больно становилось» (Ф. М. Достоевский, *Преступление и наказание*, в кн.: он же, *Собрание сочинений...*, т. 5, Ленинград 1989, с. 262).

¹³ А. Ремизов, *Взвихрённая Русь*, в кн.: он же, *Собрание сочинений*, т. 5, Москва 2000, с. 358–359.

¹⁴ Ф. М. Достоевский, *Братья Карамазовы...*, с. 292.

¹⁵ Там же.

еще двум персонажам из его же романа *Братья Карамазовы*. Слово «квадриллионы» заставляет вспомнить разговор Ивана Карамазова с чертом:

Был, дескать, здесь у вас на земле один такой мыслитель и философ, «все отвергал, законы, совесть, веру», а главное – будущую жизнь. Помер, думал, что прямо во мрак и смерть, а перед ним – будущая жизнь. Изумился и вознегодовал: «Это, говорит, противоречит моим убеждениям». Вот его за это и присудили... то есть, видишь, ты меня извини, я ведь передаю сам, что слышал, это только легенда... присудили, видишь, его, чтобы прошел во мраке квадриллион километров (у нас ведь теперь на километры), и когда кончит этот квадриллион, то тогда ему отворят райские двери и всё простят...¹⁶.

В романе Достоевского «квадриллион километров» прошел некий «мыслитель и философ», который «отвергал законы, совесть, веру»¹⁷, иными словами, человек, который не верил в Бога. Тем самым Достоевский оказывается, по мысли Ремизова, не кем иным, как этим мыслителем-безбожником. Или, по крайней мере, его «отблеском». Комментируя *Легенду о Великом инквизиторе* Ивана Карамазова с ее пафосом отрицания Бога и мира, Достоевский признавался:

Мерзавцы дразнили меня *необразованною* и ретроградною верою в Бога. Этим олухам и не снилось такой силы отрицание Бога, какое положено в «Инквизиторе» и в предшествовавшей главе, которому ответом служит весь роман. Не как дурак же (фанатик) я верую в Бога. [...] Да их глупой природе и не снилось такой силы отрицание, которое перешел я. [...] не как мальчик же я верую во Христа и его исповедую, а через большое *горнило сомнений* моя осанна прошла [...]¹⁸.

Третий персонаж, с которым Ремизов идентифицирует Достоевского, – это «пустынный огненный дух-искуситель», фигурант *Легенды о Великом инквизиторе*¹⁹.

Есть и четвертый персонаж, подобие Достоевского с которым не столько явное, сколько скрытое. Этот персонаж – герой романа *Преступление и наказание* Родион Раскольников, на образ которого указывает точная цитата из романа (см. прим. 12).

¹⁶ Ф. М. Достоевский, *Братья Карамазовы...*, т. 10, Ленинград 1991, с. 149.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Цит. по: В. Е. Ветловская, [послесловие к роману *Братья Карамазовы*], в кн.: Ф. М. Достоевский, *Собрание сочинений...*, т. 9, с. 616; выделено Ф. М. Достоевским.

¹⁹ См. в романе *Братья Карамазовы*: «Страшный и умный дух, дух самоуничтожения и небытия, [...] великий дух говорил с тобой в пустыне, и нам передано в книгах, что он будто бы „искушал“ тебя» (Ф. М. Достоевский, *Братья Карамазовы...*, т. 9, с. 283). «Когда страшный и премудрый дух поставил тебя на вершине храма и сказал тебе [...]» (там же, с. 287).

Отметим, что во всех четырех случаях Достоевский уподобляется персонажам со сходной идеологической платформой, ведь и Великий инквизитор, и «пустынный огненный дух-искуситель», и безбожный «мыслитель и философ», и нигилист-безбожник Раскольников – все они отрицают «жизнь и учение Христа» в их ортодоксальном церковном понимании.

В конечном счете и личность самого Достоевского-мыслителя – как ее понимает Ремизов – оказывается достаточно парадоксальной. А интерес к гностическим (манихейским и богомильским) аспектам религиозности Достоевского²⁰ помогает понять аналогичные размышления и сомнения самого Ремизова, который 18 марта 1957 года записывает в дневнике: «„Гностики“. Если только через отречение от мира путь познания Бога – стало быть, мир создание не божеское – мир сотворил не Бог, а Сатана»²¹. А 19 марта 1957 года Ремизов вновь возвращается к этой мысли: «И не правы ли гностики: мир, в котором живет существо – творение не Бога, а Сатаны. А отречение – единственный путь к Богу»²².

²⁰ См.: С. Доценко, *Диалог А. Ремизова с Ф. Достоевским в контексте гностических идей*, в кн.: *F. M. Dostoevsky in the Context of Cultural Dialogues = Ф. М. Достоевский в контексте диалогического взаимодействия культур*, ed. by K. Kroó and T. Szabó, Budapest 2009, с. 118–124.

²¹ Н. Кодрянская, *Алексей Ремизов...*, с. 317.

²² Там же, с. 318.